

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА им. НИЗАМИ

ВОПРОСЫ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ТОМ III

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР
Баку — 1963

Ш. Ш. САРЫБАЕВ

(Алма-Ата)

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Казахская диалектология как самостоятельная отрасль казахского языкознания сформировалась и получила развитие только в советский период. Дореволюционные исследователи непосредственно казахской диалектологией не занимались, хотя у них и есть некоторые высказывания о наличии или отсутствии диалектных различий в казахском языке. В опубликованных ими текстах встречается много диалектных особенностей. Нам известно, что В. Радлов отрицал диалекты в казахском языке. Позже А. Позднеев, И. Крафт, ссылаясь на высказывание В. Радлова, тоже отрицали их. П. М. Мелиоранский, ознакомившись поближе с языковыми материалами, не настаивал на своем мнении и позже признал, что язык казахов Оренбургской области отличается от языка казахов западной Сибири¹. В советское время о диалектах в казахском языке говорили С. Е. Малов, С. Аманжолов, Н. Сауранбаев, Ж. Доскараев и др. Но в настоящее время есть языковеды, которые считают, что в казахском языке имеются только мелкие говоры (Г. Мусабаев и др.)

Собирание диалектных материалов было начато в 1937 г. С этого времени картотечный фонд отдела истории и диалектологии Института языка и литературы постепенно стал пополняться диалектными материалами. Но вплоть до 1950 г. в Казахстане не велось описательной работы. Только в 1951 г. вышла в свет работа „Местные особенности казахского языка“ Ж. Доскараева и Г. Мусабаева—одна из первых описательных работ в области диалектологии. Появился ряд статей проф. С. Аманжолова, Н. Сауранбаева, Ж. Доскараева и других, в которых поднимались теоретические вопросы диалектологии. Но экспедиционное изучение, а также монографические описания говоров особенно интенсивно проходили за последние 5—6 лет. Вплотную к описательным работам мы приступили лишь в 1955 г.

В 1956 г. был составлен вопросник по собиранию диалектных особенностей казахского языка, вышел диалектологический словарь Ж. Доскараева. В 1959 г. была издана монография проф. Аманжолова „Вопросы диалектологии и истории казахского языка“. Монографически описаны аральский, мангышлакский и чуйский говоры. В целях

¹ П. М. Мелиоранский. Зап. Вост. отд. русск. археолог. общества, т. XI, 1897—1898, стр. 363—364 (рецензия на кн.: В. В. К а т а р и н с к и й. Грамматика киргизского языка. Оренбург, 1897).

бесперебойного печатания диалектологических материалов Институт языка и литературы организовал систематический выпуск сборника „Вопросы истории и диалектологии казахского языка“, три выпуска которых уже вышли в свет, и подготовлен очередной четвертый выпуск. Появились статьи молодых диалектологов Ж. Болатова, О. Накисбекова, С. Омарбекова, Г. Калиева и др. В настоящее время монографически изучаются восточная, западная и южная группы говоров.

Материалы последних двух десятилетий показали, что в казахском языке есть говоры, которые по сумме общих признаков объединяются в более крупные единицы—в группы говоров или диалекты.

В казахской диалектологии много спорных вопросов. Одним из них является вопрос о классификации диалектов, на котором мы хотим остановиться. В диалектологической литературе нет еще единого мнения в вопросе о количественном составе говоров и о диалектной основе казахского литературного языка.

Впервые со своей точкой зрения о классификации говоров выступил покойный проф. Аманжолов, который выделил три диалекта:

1. Южный диалект. Территория распространения: Алма-Атинская, Талды-Курганская², Джамбулская, Южно-Казахстанская и часть Кызыл-Ординской области.

В качестве признаков этого диалекта приводятся чередования *п/б, л/д, т/д, е/а, ы, с/ш* и другие, а также глагольные формы *баралы* вместо *барайык*; *барғын, барын*, вм. *бар*; *барғым бар* вм. *барғым келді*; падежное окончание на *пынан/бынан*: *атпынан келді/атпынен келді* вм. *атпен келді*. Приводится много лексических особенностей.

2. Западный диалект. Территория распространения: Западно-Казахстанская, Гурьевская, Актюбинская, часть Кустанайской и Кызыл-Ординской областей.

Указываются чередования *о/у, д/ж, г/ш, ш/д, м/л, т/б* и др. Приводятся глагольные формы *барулы* вм. *барды*; *жатырған* вм. *жатқан*; *жасай келгенде* вм. *жасқа келкенде* и др.

3. Северо-Восточный диалект. Территория распространения: Акмолинская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Карагандинская, Кокчетавская, Восточно-Казахстанская, Семипалатинская, большая часть Кустанайской области. Никакие характерные признаки этого диалекта не приводятся³.

Автор считает, что Северо-Восточный диалект лег в основу казахского литературного языка. Это утверждение вызвало возражения со стороны некоторых казахских языковедов. Мы не можем сказать, что интерпретация языковых фактов автором проделана безупречно. В фактических материалах много неточностей. Это объясняется прежде всего некритичным отношением автора к дореволюционным источникам, в которых много искажений, книжных и других элементов. Например, книжные элементы *алдундан, ятса, йол, ясатқан* и другие, встречающиеся в поэме „Козы-Корпеш—Баян-Сулу“, автором ошибочно относятся к диалектизмам. А дореволюционные источники для автора являлись основными, из которых он черпал диалектные материалы. Некоторые диалектные явления носят узколокальный характер и не присущи всему диалекту. Имеются в работе и такие явно диалектные слова, которые автор относит к литературной норме.

² Ныне упразднена и включена в состав Алма-Атинской области.

³ См. С. А. Аманжолов. О диалектах казахского языка. „Вопросы языкознания“, 1953, № 6; его же. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1, Алма-Ата, 1959.

Но несмотря на такие неточности, все же классификация проф. Аманжолова заслуживает внимания. Мы строим свою классификацию на основе классификации проф. Аманжолова.

Выделение южного и западного диалекта мы считаем правильным. Но восточная группа говоров вместе с центрально-северной группой напрасно отнесена к одному „северо-восточному диалекту“ (терминология Аманжолова).

Кандидат филологических наук Ж. Доскараев предложил иную классификацию. Казахские диалекты им делятся на две большие группы:

1. Юго-восточная группа. Территория распространения: Южно-Казахстанская, Джамбулская, Алма-Атинская, юго-западные районы бывшей Талды-Курганской (бласти и юго-восток Кызыл-Ординской области (Чилийский, Жана-Курганский и другие районы).

2. Северо-западная группа. Территория распространения: Западно-Казахстанская (до западного предела приуральских районов), Актюбинская, Гурьевская, Кустанайская, Карагандинская, Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, некоторые районы Кызыл-Ординской, (Казалинский, Аральский и др.) и некоторые районы Семипалатинской (Абралинский, Абаевский, Чубартавский и др.) областей.

В основу подразделения на юго-восточные и северо-западные группы говоров Ж. Доскараевым положены фонетические признаки. Наличие *ч* и *ж* в юго-восточной группе при соответствии им *ш* и *ж* в северо-западной, употребление звонкого *д* в северо-западных при соответствии ему *л* в юго-восточных (*мандай-манлай*), преимущественно наличие в начале слова звонкого *б* в северо-западных говорах при *б/п* в юго-восточных (*бейнет-гейнет*). Указывается на чередования *н/м*, *с/ш*, *т/д*, *ж/ш*, *а/э*, *а/ы* и др. Употребление в северо-западных говорах форм *барулы* вм. *барды*; *бара жатырған* вм. *бара жатқан*; *баражак*; параллельное употребление некоторых падежных окончаний и др. Указывается на употребление в юго-восточных говорах форм *барғын* вм. *бар*; *барғым бар* вм. *барғым келеді*; *арбамнан* вместо *арбамен*; *көрелі* вм. *көрейік* и др. Приводятся также лексические материалы.

Что касается восточной группы говоров, то Ж. Доскараев считает, что она, по имеющимся в наличии материалам, больше приближается к юго-восточной группе говоров, чем к центрально-северным, и склонен рассматривать ее в качестве переходных говоров⁴.

Проф. Сауранбаев также предлагает выделить две основные группы диалектов. Это группа диалектов *ш, д* (*шапан, шал, мандай*) на севере и западе и *ч, л* (*чапан, чал, манлай*) на юге и юго-востоке⁵. Эта классификация, по существу, аналогична с классификацией Ж. Доскараев.

Экспедиционные изучения за последние 10 лет дают материалы для предварительной постановки некоторых вопросов, связанных с группировкой говоров казахского языка. При классификации говоров на отдельные группы мы в первую очередь учитываем явления не узлокального, периферийного характера, а явления „генеральные“, имеющие характер крупнотерриториального распространения, т. е. мы учитываем величину диалектных явлений, районы распространения

⁴ См. Ж. Доскараев. Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка. „Вопросы языкознания“, 1954, № 2.

⁵ См. Н. Сауранбаев. Диалекты в современном казахском языке. „Вопросы языкознания“, 1955, № 5.

которых в некоторых случаях совпадают, а в некоторых случаях перекрывают друг друга.

В вопросе о выделении южной группы говоров у диалектологов разногласий нет, если не считать разнобоя относительно самого названия („юго-восточная“ — по Доскараеву и Сауранбаеву и „южная“ — по пр. ф. Аманжолову). Но, нам кажется, не следовало бы объединять западную и центрально-северную группы говоров в одну группу, как это делают Ж. Доскараев и Н. Сауранбаев. Здесь соединяются в одну группу довольно разнохарактерные, разнотипные говоры, которые не объединимы ни грамматически, ни лексически.

Нужно учитывать все структурные особенности говоров. Грамматические, фонетические и лексические особенности говоров должны рассматриваться в единстве. В казахских говорах эти языковые явления, определяющие границы групп говоров, выступают не равномерно и не в одинаковой степени. Если в южной группе говоров на первом плане фонетические и грамматические особенности, то западная группа говоров прежде всего характеризуется своими специфическими грамматическими формами, а центрально-северная группа — больше всего лексическими особенностями. Учитывая все это, нужно различать следующие группы говоров.

Южная группа говоров. Территория распространения: Алма-Атинская, Джамбулская, Южно-Казахстанская области и часть Семипалатинской и Кызыл-Ординской областей.

Характерные черты: наличие глаголов повелительной формы на *ғын/гін*, — *кын/кін*. Например: *келгін* — приди, *алғын* — возьми. Наличие своеобразной сложной формы желательного наклонения: *барғысы бар* в.м. *барғысы келеді* — хочет пойти, *барғысы жоқ* в.м. *барғысы келмейді* — не хочет пойти. Наличие падежного окончания *-мынан* (*бынан*), *-пынан*. Например: *атпынан* || *атпінен* барды в.м. *атпен* барды — поехал на лошади, *арбамынан* || *арбамінен* келді в.м. *арбаменен* келді приехал на телеге. Оглушение звонкого *б* в начальной позиции слова: *пайкау* в.м. *байкау* — попробовать, быть осторожным, *путак* в.м. *бүтак* — ветка и др. Чередование носовых *и* || *н*: *өлен* в.м. *өлен* — песня, *қалын* в.м. *қалын* — толстый и др. Частое выпадение звука *л* при изменении форм глагола: *барамай* (*бара алмай*), *боса* (*болса*) и др. При выделении южной группы говоров следует особо интерпретировать изоглоссу локанья. Например, *манлай* в.м. *мандай* — лоб, *танлай* в.м. *тандай* — небо и др.

Некоторые диалектологи одним из признаков южного диалекта считают чокание. Это, с одной стороны, правильно. Но тут следует оговориться, так как чоканье на этой территории не характерно для всех Кызыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Джамбульской областей.

В лексическом отношении для южных групп говоров характерны слова: *там* в.м. *үй* — дом, *кемпірауыз* — клещи, *шопак* || *шөпек* в.м. *дән* — косточки, *ауға шығу* в.м. *анға шығу* — выходить на охоту, *чанда* в.м. *анда-санда* — иногда, *сорау* || *сурау* в.м. *билеу* — управлять, *эпке* в.м. *апа* — сестра, *ашты* в.м. *ащы* — горький, кислый, *шамбе* || *сама* в.м. *шама* — чайный отвар, *дарбыз* в.м. *қарбыз* — арбуз и др. Южная группа говоров характеризуется тем, что она очень богата профессиональными словами, связанными с бахчеводством, сад-водством, хлопководством, и словами, связанными с оросительной системой. Например: *сәбіз* — морковь, *сарымсак* — чеснок, *кулак* — лепесток хлопчатника, *қауашак* — корбочка хлопчатника, *басыпалды*, *торлама*, *ақурық*, *кемпірқауын*,

кызылурык—сорта дынь, уак, арык, оман арык, жап арык, кулак—виды каналов для орошения и др. Южная группа говоров обогащает литературный язык профессиональными словами.

Южная группа говоров включает в своей состав более мелкие говоры. Проф. Н. Т. Сауранбаев и Ж. Доскараев предлагают различать сыр-дарьинский, чимкентский (или арысский) и семиреченский говоры.

Западная группа говоров. Территория распространения: Западно-Казахстанская, Гурьевская, Актюбинская, часть Кустанайской и Кызыл-Ординской областей.

В качестве объединяющих признаков говоров западной группы выступают следующие особенности: морфологический показатель—употребление формы личного окончания 2-го лица на *сыңыз-сініз*. Например: *Сіз қайда барасыңыз?*—вы куда идете? Наличие глагольной формы будущего времени на *-жак-жек*. Например: *айтажак*—скажет, *баражак*—пойдет и др. Наличие глагольной формы прошедшего времени на *улы-үлі*: *Ол Теке каласына барулы* *вм.* *Ол Орал каласына барды*—он ездил в город Урал; наличие формы пов. лительного наклонения *барын!* *иди!* *вм.* *бар*; *калын!* *вм.* *қал!*—останься. Эта форма особенно характерна для Мангышлакского говора. Наличие формы глагола *бара жатырған*||*баратырған* *вм.* *бара жатқан*—шедший. Употребление некоторых специфических форм местоимений, например: *бізін*, *сізін* *вм.* *біздің*, *сіздің*—наш, ваш, *тонау*||*тона*||*төнеки* *вм.* *анау*, *энеки*—вон, там, *шығайда*, *шығантоғайда* *вм.* *кейде*, *анда-санда*—иногда, редко.

Некоторые формы требуют дополнительного уточнения. Например, в Ключевом, Темирском, Карабутаком районах Актюбинской области отмечены формы *жүрем шығар* *вм.* *жүретін шығармын*—может быть, я поеду, *айтасың екен* *вм.* *айтады екенсін*—оказывается, ты говоришь, *барасың екен* *вм.* *барады екенсін*—оказывается, ты ходишь. Нужно уточнить степень распространенности этих явлений. Поэтому мы их не привлекаем для иллюстрации западных групп говоров.

Из фонетических особенностей можно указать на следующие: наличие чередования *а/—у, о/у*. Например: *құлдану—қолдану*—применять, *аз-мүз—аз-маз*—немного, чуточку, *жұмалау—домалау*—катиться, *орпак—үрпак*—поколение, смена, *оқсау—ұқсау*—быть похожим, *тонау—түнеу*—тот, то, *марқом—марқум*—покойный, *құрытынды—қорытынды*—вывод, итог и др. Наличие чередования *ж/ш*: *ырғалу—шығалу—ырғалу—жырғалу*—раскачиваться, растягивать, *шаппа пышак—жаппа пышак*—складной нож, *шаршау—жаршау*—занавеска, *келемеш—келемеж*—дразнить и т. д. Озвончение начального звука *п* преимущественно в заимствованных словах, например: *беш—пеш*—печь, *балау—палау*—плов, *балуан—палуан*—богатырь, *бапа—папа*—папа, *бейіл—пейіл*—намерение, *бияла—пияла*—пиялушка, *бут—пут*—пуд и т. д. Наличие чередования *ж/д*. Глагол *домалау*—катиться в западном диалекте иногда выступает в форме *жұмалау*, последняя в постоянно жокающей форме употребляется в загадке „*Таудан тас жұмалайды, бірін—бірі құалайды*“—букв. С горы катятся камни, догоняя друг друга.

Следует указать на специфические слова и словосочетания, характерные для данной группы говоров: *сой* *вм.* *тұқым*—род, *нобайы* *вм.* *түгел*, *бәрі*—все, целиком, *дырау* *вм.* *үлкен*, *зор*—большой, громадный, *бойлай* *вм.* *ылғи*, *өнебойы*—всегда, постоянно, *ірә жаксы* *вм.* *өте жаксы*—очень хорошо, *жандык* *вм.* *ұсақ*, *мал*—мелкий рогатый скот, *сыыр-сыбыр* *вм.* *сыыр-мыыр*—корова и другой подобный скот (букв. корова-мороза), *азын-шоғын* *вм.* *азды-көпті*—мало—немного,

калай-солай в.м. *калай болса-солай*—как попало *мә!*—*ә!*—междометие удивления, укоризны, *отырғыш* в.м. *орындық*—стул, *көпшік* в.м. *жастык*—подушка, *кудағай* в.м. *кудағи*—сватья, кума, *жар газеті* в.м. *кабырға газеті*—стенная газета, *не зат?* в.м. *не нәрсе?*—что такое? что случилось?, *жарын* в.м. *келесі жылы*—будущий год, *шандоз* в.м. *керемет*, *әдемі*—красивый, великолепный, величавый, *ілкі әзірде* в.м. *алғашқы кезде*—вначале, сперва, *жумыс жасау* в.м. *жумыс істеу*—работать, *аман өрдің бе?* в.м. *аман тұрдың ба?*—утреннее приветствие, *я ғой, я ма?* в.м. *жарай ма?*—не так ли? *беркіту*, в.м. *бекіту*—закреплять, укреплять, *бырытқыру* в.м. *былықтыру*—беспорядок и многие другие.

Значительные пучки изоглосс обрываются где-то между Актюбинской и Кустанайской областями на востоке и где-то между Аральском и Кызыл-Ордой на юге.

Кроме общих черт, которые объединяют западную группу говоров, имеется немало местных особенностей, на основе которых можно выделить отдельные говоры в составе западной группы. В первую очередь по ряду признаков можно выделить мангышлакский говор, уже описанный монографически. В отличие от других говоров западного диалекта он имеет свои специфические особенности. К ним относятся: а) наличие ярко выраженного чоканья: *чал*, *чапан*, *тігінчі* и др.; б) наличие чередования *с/ш*: *машкара* в.м. *маскара*—безобразие, *тұрмыш* в.м. *тұрмыс*—жизнь, *мышык* в.м. *мысык*—кошка и др. Это чередование отмечено также в ординском говоре⁶; в) наличие формы желательного наклонения 1-го лица мн. ч. *баралы*, *айталы* в.м. *барайык*, *айталык*—пойдем, скажем; г) наличие форм будущего времени: *барұр*, *келұр*, в.м. *барар*, *келер*—пойдет, придет и др.; д) частое употребление форм повелительного наклонения *барын!*, *келін!* в.м. *бар!*, *кел!*—пойди! приди! и др.⁷.

В составе западного диалекта можно выделить ординский говор, который характеризуется сильным влиянием татарского и башкирского языков. Это влияние было подмечено П. М. Мелиоранским еще в конце прошлого века⁸.

Центрально-северная группа говоров. Территория распространения: Северо-Казахстанская, Кокчетавская, Акмолинская, Павлодарская и часть Кустанайской, Карагандинской и Семипалатинской областей. Эта группа говоров в основном характеризуется лексическими особенностями. Например, преимущественное употребление *онды* в.м. *жаксы*, *тәуір*—хороший, *есебі* в.м. *айталык*, *мысалы*—скажем, например, *кигіз уй* в.м. *киіз уй*—юрта, *кайыра* в.м. *кайта*—обратно, *нөгер* в.м. *нөкер*—свита и др. Характеризуется значительным влиянием русского языка.

В фонетическом отношении центрально-северная группа говоров больше приближается к западным группам, чем к остальным, а в грамматическом отношении—к восточным группам говоров.

Очень сложно обстоит дело с восточной группой говоров. Это наименее изученная часть территории Казахстана, и материалы экспедиции еще не дают основания для каких-либо выводов. Дело в том,

⁶ Э. Бөрібаев. Орда говорынын кейбір фонетикалык ерекшеліктері. „Изв. АН Каз. ССР“, серия филол. и искусств. 1959 (1958), № 1—2 (8—9).

⁷ С. Омарбеков. Мангышлакский говор казахского языка, автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960.

⁸ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. Фонетика и этимология. СПб., 1894, стр. 2.

что на востоке недостаточно изучены языковые особенности казахов Восточно-Казахстанской и части Семипалатинской областей, не говоря о совершенной неизученности языка казахского населения Монгольской Народной Республики и Китайской Народной Республики. А пока, судя по материалам экспедиции, собранным в Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областях, эта группа говоров по одним своим признакам (особенно чоканьем и джоканьем, которые ранее были подмечены В. Радловым и А. Самойловичем) приближается к южной, а по другим — к центрально-северной группе говоров. Но восточная группа говоров имеет свои специфические особенности. Например, наличие своеобразной формы изъяснительного наклонения *барғайы отыр* *вм. барғалы отыр* — собирается идти, *келгейі отыр* *вм. келгелі отыр* — собирается прийти, *адам сыықты* *вм. адам сияқты* — подобно человеку и др.

Экспедиционные поездки кандидата филологических наук Ж. Болатова, который специально занимается изучением восточных групп говоров, выявили некоторые языковые особенности в языке населения восточных районов Казахстана.

Например, озвончение начальных звуков некоторых аффиксов, особенно аффиксов множественного числа (*биедер, бауырдар, үйдер, зордык, бірді-жарым, ұрдап кету, вм. биелер, бауырлар, үйлер, зорлык, бірлі жарым, ұрлап кету*); наличие специфических слов: *борми* *вм. жүгері* — кукуруза, *эскере, кийн* *вм. өте* — очень, употребление в отрицательном значении слова *ерсі* — плохой, неважный. В литературном языке это слово употребляется в значении хороший, положительный. *Этейі-эдейі* — нарочно, *алал/адал* — честный, *екен-саяк-некен-саяк* — мало, редко, *шекті/шейін* — до, *тұрғай/түгіл* — не только, *қалайшан, калайша?* — как?, *жоян/зор* — большой, *жылқыауз/тістеуік* — клещи, *шекілі деуік/семішке* — семечки, *емесе/немесе* — то, тогда) и др.⁹

На стыке перечисленных групп говоров безусловно имеются переходные районы, в которых господствует смешанное употребление особенностей двух смежных групп говоров. Границы этих говоров пока еще точно не установлены.

Данную классификацию мы не считаем окончательной. К тому же еще ясно не определено место восточных групп говоров в системе классификации. Мы еще не располагаем точными данными об изоглоссах того или иного явления. К тому же имеются районы, которые еще не охвачены экспедиционным изучением. Совершенно неисследованы диалектные особенности казахов, проживающих за пределами Казахстана. А значительное по численности казахское население имеется на территории Узбекской ССР, Каракалпакской АССР, в Ашхабадской области Туркменской ССР, в Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Челябинской и Омской областях РСФСР. За пределами СССР казахи живут в северных округах провинции Синьцзян Китайской Народной Республики, а также в юго-западных аймаках Монгольской Народной Республики. Все эти районы пока остаются неизученными. Поэтому мы считаем, что правильнее будет воздержаться от окончательных выводов до последних обстоятельных исследований и до более обстоятельного сбора материалов.

⁹ Ж. Болатов. Семей облысы Көкпекті, Ақсуат аудандарында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер туралы. «Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері», 1960, 3-шығы.

Мы все еще не можем смело использовать в качестве иллюстративных материалов многие языковые явления. Это объясняется тем, что еще не уточнены границы распространения тех или иных явлений. К ним относятся: чередование *й/ж* или выпадение *ж* на стыке двух слов. Например: *о йак* вм. *о (л) жак*—та сторона, *бу йак* вм. *бу (л) жак*—эта сторона; *баратыр* вм. *бара жатыр*—идет туда; явление джоканья; мягкое произношение гласных многих слов преимущественно в южных районах в отличие от западных и северо-восточных районов. Не ясны границы употребления следующих фонетических пар: *акшадай/акшалай* алды—получил деньгами, *тірілей/тірідей* алып келді—привез живьем, *ыссы/ыстык*—горячий, *ашты/ащы*—горький; не ясна степень распространенности конструкции *барды емес пе?*—разве он не ходил?, *келе жатыр емес пе?*—разве он не идет? и др.

Говоры казахского языка испытали значительное влияние соседних языков, особенно родственных, которые в смежных территориях живут не только в соседстве, но и смешанно. Южные говоры испытали влияние узбекского, киргизского, уйгурского языков; западные говоры—татарского, башкирского и туркменского языков; восточные говоры—уйгурского и частично монгольского и китайского языков.

Из неродственных языков в говорах мы больше всего находим русские и арабо-персидские элементы. Арабо-персидские элементы больше всего наблюдаются в южных говорах, которые, видимо, проникли через узбекский язык, например: *айуан*—сени, балкон, терраса. Ср. перс. ایوان [эйван]—балкон, открытая галерея, терраса, портик, выступ (дома) с окнами; *жк*—известь. Ср. перс. آهک [ahäk]—известь, *этір*—одеколон, духи. Перс. عطر [этр. ätr]—1) духи; 2) благовония аромат; *бадыран*—огурцы. Перс. بادرنگ [бадрäнг] род citrusовых. Из иранских языков берут начало слова *этешкір*—щипцы, *кәкпір/кәпкір*—шумовка, *көраз*—петух, *дарбыз*—арбуз и др.

Значительное влияние на западные и северо-восточные говоры оказывает лексика русского языка, Например: *запон*—фартук, *курамыс*—коромысло, *шабата*—чобот, *пөзір*—пузырь, *мәнет/манат*—монета, *оглоб*—оглобля, *бедре*—ведро и др. Из монгольского языка заимствованы *арасан*—целебный источник, *жамбыл*—крепость и др.

В восточных говорах из китайского языка заимствованы слова: *борми* (кит. баоми)—кукуруз, *дүмбе* (кит. дунмай/дунмо)—озимь, *буызы* (кит. фуцзы)—отруби, а также *лобы* (кит. лобо—редька, *лазы* (кит. лацзяо)—перец и др.

Все эти слова являются продуктом метизации и гибридации. Впереди предстоит большая работа по выявлению степени влияния соседних языков, по выявлению первичных и вторичных элементов в говорах.

Ныне в Казахстане происходит активный процесс разрушения местных диалектов, их нивелировка, приближение речи аулов к нормам литературного языка. В современных условиях молодежь постепенно отходит от диалектных норм и приближается к литературному языку. И такие наблюдения, которые можно будет сделать сегодня, будут невозможны через 10—15 лет. Об этом хорошо сказано в статье И. К. Белододе и А. С. Мельничука: „В связи с усиленным стиранием диалектных отличий языка при переходе от социализма к коммунизму возникает и чисто профессиональная задача перед диалектологией, наиболее полно зафиксировать доступные пока для наблю-

дения диалектные явления, которые уже в недалеком будущем могут окончательно исчезнуть и, таким образом, навсегда оказаться потерянными для языковедческой и исторической науки. В наибольшей степени это касается лексических особенностей диалектов¹⁰. Поэтому мы не можем равнодушно смотреть, как на наших глазах исчезают живые свидетели старины, которых давно уже коснулась гибельная рука вымирания. И мы должны и обязаны сделать максимум возможного, чтобы сохранить материалы народных говоров. Для этого нам нужно спешить с собиранием диалектных материалов, спешить, пока казахский литературный язык не успел поглотить их в себе.

Чтобы еще более оживить работу в области диалектологии Институт языка и литературы из года в год увеличивает число экспедиционных выездов. Отрадно отметить, что в настоящее время в отделе истории и диалектологии работают 10 человек, против трех в 1955 г. В следующем году намечено начать работу по картографированию диалектных особенностей. Уже составлен план порайонного исследования южных, восточных и частично западных групп говоров. Впереди предстоит большая экспедиционная работа. Объем предстоящих работ очень велик. Нам нужно охватить изучением многие районы, не говоря уже о территориях с казахским населением, расположенных за пределами Казахстана.

Перед диалектологами стоят следующие задачи: продолжение описания говоров казахского языка во всех лингвистических аспектах; лингво-географическое исследование диалектных явлений, которое предполагает создание диалектологического атласа казахского языка; составление диалектологических и областных словарей; решение вопросов классификации говоров и проблемы диалектной основы казахского литературного языка.

¹⁰ И. К. Белодед, А. С. Мельничук. Вопросы развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму. „Вопросы языкознания“, 1959, № 5, стр. 10—11.

К. МУСАЕВ

(Москва)

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Теоретические вопросы составления диалектологических словарей обычно сводятся к принципам отбора слов для словника. Другие стороны дела, как мне представляется,—вопросы практического характера. Я считаю своей задачей остановиться именно на практических вопросах составления диалектологического словаря, базируясь при этом на анализе достоинств и недостатков первого диалектологического словаря казахского языка Ж. Доскараева¹. Прежде всего мне хочется отметить, что на указанный словарь опубликованы рецензии Ш. Сарыбаева² и А. Курышжанова³, которые носят несколько просветительский характер.

Диалектологический словарь Ж. Доскараева для нас ценен как первый труд подобного рода в казахском языкознании, дающий материалы по диалектной лексике. Автор скромно не называет свою работу диалектологическим словарем. Она названа просто „Местные особенности казахского языка (лексика)“. Такое название работы, с другой стороны, отражает тот период, когда она вышла в свет, т. е. период, когда о диалектах казахского языка шли споры и дискуссии, ныне ослабевшие. Это ослабление, однако, нельзя считать результатом победы определенной точки зрения или примирением мнений.

Цель труда Ж. Доскараева, как об этом пишет автор во введении, ознакомить общественность Казахстана с лексическими особенностями в языке народа, объяснить их многочисленные значения, сравнить их с литературным казахским языком и другими языками на основании языковых фактов (стр. 3). Труд написан на материалах диалектологических экспедиций, на основе отбора, главным образом, слов с ясной семантикой. Некоторые дублетные формы слов, вулгаризмы и другие, которые не подходят под данное определение порядка отбора слов, не включены в эту работу (стр. 4). Автор надеется, что этот труд принесет определенную пользу для историков языка, с чем мы полностью согласны. В словаре собраны такие слова и устойчивые словосочетания, которые в данной форме с дан-

¹ Ж. Доскараев. Казак, тілінін, жергілікті ерекшеліктері (лексика). Алматы, 1955.

² Ш. Сарыбаев. Новая диалектологическая работа. „Вестник АН Каз. ССР. 1956 № 11.

³ Э. Курышжанов. Игілікті бастама. Вопросы истории и диалектологии казахского языка, вып. I. Алма-Ата, 1958.

ным лексическим значением употребляются только в каких-нибудь местных говорах, а в литературном языке неупотребительны или совсем неизвестны. Словарь воспроизводит разные стороны жизни казахов сельских местностей. В словаре получили отражение те реалии, которые характерны только для данной местности, для данного района. Однако в работе отсутствуют топонимика и ономастика (названия урочищ, прозвища людей, клички животных), которые тоже вызывают определенный лингвистический интерес.

Словарь написан на казахском языке и поэтому, естественно, малодоступен большинству тюркологов. Он охватывает 1521 слово, а не три тысячи слов, как об этом говорил Ш. Сарыбаев на казанском совещании по диалектологии тюркских языков.

Заголовок статьи дается в орфографии литературного языка без транскрибирования. Такая система записи и подачи диалектной лексики имеет свои положительные и отрицательные стороны. Она удобна для пользования диалектными словарями, но в то же время не воспроизводит полностью звукового строя, произносительных норм того или иного говора. (Как известно, в существующей орфографии казахского языка не получили отражения многие фонетические явления, например, губная гармония гласных: *дулыға* вм. *дулұға*, *қолым* вм. *қолұм* и т. д., так и в диалектах, напр.: *дүкерт* вм. *дүкөрт*, *дүңгіршек* вм. *дүңгүршөк* и т. д.).

Одной из положительных сторон словаря следует считать обилие примеров словоупотребления. Почти при каждом заглавном слове дается употребление этого слова в предложении, иногда в пословицах и поговорках. При многозначных словах каждое из значений слова иллюстрируется отдельным примером. Однако тут возникает вопрос — при многозначных словах которое из его значений следует давать первым. Очевидно, первым должно получить определение то значение, которое более употребительно. К этому решен этот вопрос в словаре, установить трудно, поскольку не объяснено, которое из значений многозначного слова более употребительное.

Как построена словарная статья в работе можно проиллюстрировать на примере со статьей *кәжен*, которая является типичной в смысле строения статьи словаря: *„кәжен, — одежда, дождевик (сулық) (сыртқы киім), далее дана реализация этого слова во фразе: кәженді сырттан киеді; балам, кәженіңді киіп ал ұстін, су болмайды (Ес. ГОМ). В казахском языке существует слово киім-кешек. Второй компонент этого слова в киргизском языке встречается в форме кеше (киімкеше). В русском языке кожанка употребляется в значении непромокаемой верхней кожаной одежды. Некоторые звуки этого слова изменяются, и в речи местного населения имеется мягкий вариант (Ес. ГОМ) — условные сокращения, показывающие область и район Казахстана“.*

В некоторых статьях дается подробное описание того, как происходят работы, связанные с описываемым словом, мысли автора — догадки, сомнения. Несомненно, это имеет большое значение для этнографов и историков материальной культуры.

Данный словарь относится к типу таких, в которых слова собраны на значительной, даже огромной территории, однако слова не распределены по диалектам и говорам, а указывают лишь административный район области. В словаре отсутствуют сведения о том, в какой сфере общения слово употребляется и насколько оно употребительно. Поэтому невозможно установить в систему какого диалекта или говора данное слово входит. Для решения некоторых вопро-

сов из-за неустановленности говора, к которому относится то или иное слово, данным словарем невозможно пользоваться. Мы понимаем, однако, те большие трудности, которые возникают во многих словарях, описывающих лексику, не одного, а группы говоров, а в казахском языкознании тем более, поскольку не все говоры изучены, многие даже не тронуты.

Диалектологический словарь Ж. Доскараева имел большое значение для казахского языкознания. Он может дать объяснение некоторым словам, встречающимся в произведениях казахского фольклора, в сочинениях дореволюционных поэтов, о чем уже писал А. Курышжанов⁴. Кроме того, работа Ж. Доскараева до выхода работы С. Аманжолова оставалась единственным пособием, дающим материалы по диалектной лексике.

В словаре дано много интересных материалов по лексике казахского языка. Интересные материалы, которые дают исследователю местные говоры настолько увлекли автора, что он не мог удержаться от соблазна этимологических исследований в данном словаре. В словаре делается также попытка почти при каждом слове давать параллели из других тюркских языков, но попытка эта не последовательна. Конечно, никто не может оспаривать ценность и полезность этимологических разысканий. Однако, как мне представляется, это не входит в задачу диалектологических словарей и отвлекает внимание автора от главного. Это задача этимологических или историко-этимологических словарей, которые требуют специальных исследований. К сожалению, этимологизация и сопоставление занимает в словаре слишком большое место, но тем не менее форма слова ни в одном случае не раскрыта до конца и в некоторых случаях приводимые материалы из других языков сомнительны. Впрочем, как я уже отметил, работа не названа „диалектологическим словарем“, и это, очевидно, в какой-то степени дает автору право привлекать к работе материалы других, даже неродственных языков (арабского, персидского, русского, китайского, монгольского). Здесь я не могу согласиться с упреком А. Курышжанова о том, что следовало бы привлечь и материалы памятников. Это не входит в задачу диалектологического словаря.

Словарь Ж. Доскараева будет полезен при разработке этимологических словарей тюркских языков. Любопытную картину дает статистика, она показывает, на какие стороны лексики необходимо обращать больше внимания в дальнейшем при диалектной лексикографии. В лексике словаря господствует имя существительное. Например, на букву *к*, которая охватывает 148 слов, — почти $\frac{1}{10}$ всего словаря, приходятся: 116 существительных, 18 глаголов, 12 прилагательных и 2 наречия. Такая повышенная доля имен существительных и сниженная доля имен прилагательных, наречий и глаголов по сравнению с тем, что имеется в местных говорах, в некоторых случаях объясняется, очевидно, односторонностью внимания у собирателей лексики и названий предметов, а большей частью применением такого способа собирания лексики, при котором слова с лексическим значением выясняются легче и быстрее, а слова с грамматическим значением — труднее и медленнее. Это недостаток метода собирания путем прямого опроса. В словаре имеются и междометия, служебные слова, правда, они представлены в незначительном количестве. Диалектных форм числительных и местоимений, как и следовало ожидать, в словаре нет.

⁴ А. Курышжанов. Ук. работа, стр. 197.

В работе имеются недостатки разного характера. Одним из них следует считать слишком общие определения при разъяснении диалектного слова средствами литературного языка. Например, *тазқара* объясняется как *улкен кара кұс*—большая черная птица, и непонятно о какой именно большой птице идет речь. Почему-то автор при объяснении этого слова избегает слова *кушіген*, которое употребляется в литературном языке вместо *тазқара*. Так же даны общие определения словам *тасөкпе*—название болезни, *шакай*—название дикого зверя и т. д. Даже слово *көпішiк*, которое, впрочем, введено в толковый словарь казахского языка, определяется как „подушка“ (общее название), тогда как оно означает маленькую подушечку, которая обычно кладется на седло, чтоб мягко было сидеть. Подобные общие объяснения не дают возможности читателю пользоваться этими словами.

Встречаются объяснения в некоторых случаях одного диалектного слова другим диалектным словом. Например: *жіңсе*—*карғаша*; *көсік*—*мәймiшек*; *морлау*—*коламталау*. В некоторых случаях автор, очевидно, не уверен, что читатели поймут его объяснение одного диалектного слова другим диалектным словом и поэтому в дальнейшем все-таки объясняет литературным языком, о чем здесь идет речь. Так, например, к слову *тусак* дается объяснение *тусамыс салына-тын жер*—место, куда накладывается *тусамыс*). Будучи неуверенным, что читатель поймет что такое *тусамыс*, автор в скобках поясняет, что речь идет о ногах лошади (*аттын аяғы туралы*). Так же подаются слова *булык*, *шырға* (об одеяле—*көрпе туралы*); *көз қоламта*, *аттын коламтасы* и т. д.

В словаре имеются места, где диалектные слова переводятся русскими словами, или сначала автор дает объяснение по-русски, а затем уже на казахском языке: *шилан бумажник*—мешочек для хранения денег (*ақша салатын қалта*). *Шиша шамнын, пузыры; шокыр* (ор. севрюга); *тазқара* (ор. гриф), т. е. по-русски „гриф“; *амиан бумажник, зембіл*—1) корзина, сумка. 2) *нәселке* (носилки). Необходимо отметить, что слова *зембіл*, *нәселке* тоже занимают свои места в толковом словаре казахского языка.

Мне представляется, что в казахском литературном языке имеется достаточно средств для объяснения этих и других слов. В некоторых случаях в работу включается описание таких предметов, которые не имеют отношения к данной статье. Например, к статье *ергенше* после разъяснения его значения (маленький мешок) дается пространственный рассказ о том, что „в соответствии с хозяйственными особенностями юга имеется несколько видов тары для хранения зерна и каждый из них имеет свои названия *ура, камба, кап, канар, алаша*“...

Есть небрежности в подаче материалов в словаре. Прежде всего следует отметить недостатки в снабжении документацией диалектных слов. Часто указывается лишь название района, откуда взят данный материал, иногда указывается лишь область. А области, как известно, в Казахстане огромные, да и районы не такие, какие мы привыкли видеть в республиках европейской части СССР, Кавказа или Средней Азии. Такая система подачи материалов вызовет определенные трудности и при составлении диалектологического атласа. Автору следовало бы разработать систему условных помет (сокращений), которая дала бы читателю возможность установить, в каком пункте Казахстана употребляется данное слово. Отсутствие точной системы условных помет приводит к тому, что весьма часто автор прибегает к подробному объяснению, в каких районах еще употребляется данное слово, что только загромождает словарь. Словарь загроможден также полной

подачей источников сравниваемых материалов по другим тюркским языкам, например, при слове *сөлкебай* даются полные названия и год издания киргизско-русского, алтайско-русского словарей и словаря русского языка С. И. Ожегова.

Некоторые слова даны без отнесения к соответствующему району или области Таковы: *атабас*, *ауыртпак*, *байрак*, *бейуаз*, *байыр* и др. Читатель не в состоянии установить, к какому говору эти слова относятся и, следовательно, не может воспользоваться ими в своих исследованиях.

К числу небрежностей относится и совпадение некоторых условных сокращений: *Ес*, означает и название района (Есбол) и „устаревшее“ (ескірген). *Жаң*, означает и название района (*Жаңа қорған*) и „новое“ (*жаңа*). Двойная горизонтальная черта принята в работе как ссылка на другое слово: „смотри“. Однако слов, на которые ссылается автор, часто не оказывается в словаре. Так, например, при слове *қаржас* дана ссылка на слово *деңдес*, которого нет в словаре; при слове *қосу* знак ссылки показывает на слово *шегу*, которое также отсутствует. А при словах *қолтіс* и *қыспа* ссылки даны на слова литературного языка (*соқа*, *сырға*), которые, естественно, не должны занимать места в данном словаре. При слове *қолтартпа* автор отсылает читателя на слово *тартпа*. Но когда мы обращаемся к слову *тартпа*, то выясняется, что слово это имеет три совершенно разных значения. Конечно, читатель не может сам установить, о каком значении слова *тартпа* идет речь.

Встречаются небрежности и другого характера. Так, например, слово *шырын* объясняется как „сыворотка“. А иллюстративный материал приведен на совершенно другое значение слова: *шырын қауын* — сладкая дыня. Слово *құрткесек* определяется как „дёрн“, тогда как оно обозначает засохшие комки глины, встречающиеся обычно на пашне. Слово *саз* по автору имеет четыре значения, тогда как иллюстративный материал, приводимый на каждое из его значений, показывает, что оно имеет только три значения. Иногда в разряд диалектных слов попадают такие слова, которые контекстуально могут иметь иную семантику. Например, вполне естественно, что глагол *ат* — бросать, стрелять, контекстуально может иметь значение „веять“: *Қырмандығы бидайды жоғары атып, шөп-шарын тазалаймыз*. Так что в данном примере не обнаруживается диалектное значение этого слова. В работе имеется курьезный случай, когда слово литературного языка *кепе* — взрослый ягненок объяснено диалектным словом *кебе*.

Многие слова, представленные в работе, охватывают большую часть территории Казахстана, несмотря на то, что в литературном языке употребляются очень редко или совсем неупотребительны. Часть тех слов, которые зафиксированы автором в восточных, северных и западных областях Казахстана, употребительны и в южных областях Казахстана (Кызыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Джамбульской). Таковы, например, слова *андуа* — полутерок (спец.), *жарма* — большой арык, *жандық* — овца, *зәк* — влажный, *көпшік* — подушечка, *мекиен* — курица, *оспадарсыз* — бесстыдник, *иша* — междометие, выражающее чувство холода, *масахана* — тонкая палатка из марли для защиты от комаров, *айырт* — место соединения двух ног, *азбар* — двор, *балпак* — суслик, *гәп* — весть и др.

Таким образом, по мере развития литературного языка и по мере изучения местных особенностей возникает картина сложного взаимодействия между „диалектами“, литературным языком и общенародным языком. Как быть в таких случаях, когда одни и те же слова, не из-

меня своей фонетической структуры, выступают в одном и том же значении во всех частях огромной территории Казахстана, но еще не признаны литературным языком, отчасти потому, что некоторые писатели и поэты воздерживаются от употребления этих слов, поскольку они не встречали их у других писателей, и боятся быть обвиненными в „диалектизме“. Вот и здесь мы сталкиваемся с вопросом, что считать в таких случаях „диалектизмом“, а что общенародной лексикой.

С нашей точки зрения общенародными и вполне литературными следует считать такие слова как *бейбас*—забияка, *делбе*—вожжи, *долбар*—проект, *ерсі*—неподходящий, *еніс*—низина, *жейде*—рубашка, *кездік*—ножик, *кембағал*—слабый, инвалид; *келте сүзек*—тиф, *кереге*—стена юрты, *камба*—склад, *эк*—известь, *эріптес*—коллега, *көгеріш*—лужайка, место с растительным покровом, *көшет*—саженец, *лау*—средство передвижения (рабочий скот), *салғырт*—небрежный, *санлак*—избранный, *сімір*—пить, не прерывая дыхания, *сүрен*—крик, *тақуа*—знаток, *толас*—перерыв, *шубар*—место, изобилующее растительностью, *ілкі*—первый и другие, которые широко употребляются в произведениях художественной литературы, в политической литературе, в учебниках и т. д., но которые также вошли в диалектологический словарь.

В последнее время в статьях некоторых авторов получает распространение выражение „диалектизмы“ в произведениях писателей. Появились статьи Ш. Сарыбаева, Ж. Болатова на эту тему. Можно задать вопрос, к какому диалекту казахского языка относятся эти „диалектизмы“? На это, пожалуй, ответить трудно даже тем, кто пишет об этих „диалектизмах“. Все дело в том, что казахские писатели стали смело внедрять в свои произведения те слова, которые употребляются в разных частях Казахстана, но не встречаются у других писателей и поэтов. Это непривычно для некоторой части казахской интеллигенции, а некоторым эти слова неизвестны, хотя они, возможно, существуют в речи казахов тех мест, откуда происходят эти представители интеллигенции. Мне представляется, что речь должна идти не о „диалектизмах“, а о тех словах, которые раньше не употреблялись в языке писателей, а теперь вливаются в литературный язык и быстро становятся достоянием всех. Если идти по линии приписывания „диалектизмов“, то можно, пожалуй, найти немало „диалектизмов“ и в толковом словаре казахского языка, и в произведениях крупнейших мастеров слова—М. Ауэзова, С. Муканова и др. Возникает вопрос, все ли неизвестные данному молодому лингвисту слова считать диалектизмами. Это лишний раз доказывает, что известное высказывание М. Горького о диалектизмах в языке писателя неприменимо для казахского языка, хотя бы только потому, что казахский и русский литературные языки находятся на разных ступенях развития.

Авторы упомянутых статей о „диалектизмах“ в языке писателей, очевидно, впадают в другую крайность, видя всюду „диалектизм“. Нельзя относиться к языку, как к чему-то окостеневшему, раз навсегда данному. Разве можно сравнить словарь Абая Кунанбаева, который является основоположником казахского литературного языка, и словарь, скажем, М. Ауэзова в его последних произведениях? Однако сказанное не означает, что следует приветствовать всяческое введение в литературный язык местной лексики. Здесь необходимо соблюдать максимум осторожности и проверить, во многих ли областях имеет хождение это слово.

Составление полного, всеохватывающего диалектологического словаря казахского языка представляет собой большое научное меро-

приятие и оно может быть осуществлено при широком участии коллектива языковедов. Лексика диалектов казахского языка на сегодняшний день изучена неравномерно. Из создаваемой специальной картотеки диалектологического словаря казахского языка, очевидно, необходимо исключить все слова, которые встречаются в произведениях мастеров слова — выдающихся казахских писателей. При создании диалектологического словаря, кроме инструкции, следует разработать словник, который должен быть обсужден с широким привлечением филологов республики. Желательно было бы, чтобы разработке такого диалектологического словаря предшествовало составление словарей отдельных говоров, которые уже достаточно обследованы. При этом все слова следует четко документировать. Поскольку сейчас вопрос о диалектных границах казахского языка окончательно не решен, то или иное слово невозможно отнести к определенному диалекту или говору этого диалекта, на данном этапе каждое слово можно было бы снабдить топологическими пометами (название области, района и села), а может быть, стоит указать и лицо, от которого записано данное слово. Углубленное изучение лексики отдельных говоров и их групп, рассчитанное на создание ряда региональных словарей должно охватывать не только территорию Казахстана, но и те районы за пределами республики, где распространен казахский язык.

Для того, чтобы такими региональными словарями могли бы пользоваться и другие тюркологи, а также исследователи других семей языков, слова желательно было бы снабжать и русским переводом.

Диалектологический словарь Ж. Доскараева дает весьма скудный лексический материал для рассмотрения вопроса диалектного членения казахского языка. В работе, как уже отмечалось, не проведено распределения материалов по диалектам, и это представляется вполне логичным. Действительно, выяснение диалектной принадлежности того или иного слова не может быть рассмотрено, пока не будет установлена классификация диалектов и говоров казахского языка.

В этой связи мне хотелось бы сказать несколько слов о докладе Ш. Сарыбаева, который посвятил его вопросу диалектного членения казахского языка. К сожалению, не были представлены тезисы доклада, что затрудняет детальный анализ последнего.

За последние 4—5 лет в Казахстане проделана значительная работа в области диалектологии. Собран большой материал, опубликованы три выпуска сборников по диалектологии и истории казахского языка, выпущены и другие работы, где наряду с именами известных казахских диалектологов С. Аманжолова и Ж. Доскараева появляются новые имена. Однако упомянутые диалектологические работы носят предварительный характер, они в отличие от работ конца сороковых и начала пятидесятых годов не затрагивают вопроса о диалектной классификации казахского языка. Мне представляется, что это самый верный путь к достижению истины — пока накапливать материалы, описывая особенности местных говоров, тем самым подготавливая почву для окончательного решения вопроса о диалектах казахского языка. Поэтому данная в докладе Ш. Сарыбаева классификация казахских диалектов мне представляется преждевременной.

Точка зрения о существовании трех диалектов не нова для казаховедов, хотя можно допустить, что для некоторой части данной аудитории неизвестны многие детали этого вопроса. Что нового внес докладчик в обоснование точки зрения о существовании трех диалектов казахского языка: южного, западного и северо-восточного? Мне представляется, что приведенные в докладе факты не могут подтвердить

существование именно этих диалектов. Эти факты также не могут указать точные границы диалектов. Доклад Ш. Сарыбаева страдает теми же ошибками, что и прежние попытки казахских диалектологов. Эти ошибки, по-моему, можно объяснить двумя крайностями: либо а priori утверждается существование определенного количества диалектов и языковые факты подгоняются под эту классификационную схему; либо берутся отдельные достаточно исследованные говоры Казахстана и опять-таки а priori данные этих говоров (даже отдельных населенных пунктов, принадлежность которых к определенному говору еще не выяснена) распространяются на весь предполагаемый диалект. Разумеется, такими способами невозможно установить научные диалектные различия казахского языка. Поэтому и нельзя удивляться заявлению докладчика о том, что „северо-восточный диалект недостаточно исследован, поэтому пока не можем говорить об его особенностях“.

Те доказательства, которые приводятся диалектологами в подтверждение диалектных классификаций, часто либо оказываются характерными и для других предполагаемых диалектов, либо — относятся лишь к отдельному говору. В этой связи мне хочется привести некоторые материалы из двух статей, посвященных особенностям местных говоров. Я должен отметить, что авторы в этих статьях не касаются вопроса о классификации казахских диалектов. Так, например, многие слова, которые привел в своей статье Ж. Болатов⁵ из некоторых районов Семипалатинской области, имеются почти во всех районах Южного Казахстана: *әсіп* — колбаса, *рауағаш* — название растения, *тушпара* — пельмени, *тана* — пуговица, *қалбыр* — коробка, *пұл* — деньги и т. д. Такая же картина наблюдается при сопоставлении данных, приведенных в статье О. Накысбекова⁶ с фактами из Южно-Казахстанской области, которая расположена на расстоянии свыше тысячи километров.

А особенностей, которые имелись бы только на данной территории и охватывали бы все говоры предполагаемого диалекта, пока ничтожно мало. Поэтому мне представляется, что не следует торопиться с классификацией казахских диалектов, пока не будет изучено, хотя бы в общих чертах, большинство говоров. Дальнейшее детальное исследование местных особенностей покажет ясную картину.

⁵ См. Сб. „Вопросы истории и диалектологии казахского языка“, вып. 2. Алма-Ата, 1960, стр. 20—23.

⁶ Там же, стр. 122—166.